

Китайская диаспора Дальнего Востока России: история, современность и перспективы*

Ван Цзиньхуэй

Шанхайский университет,
Шанхай, Китай

The Chinese Diaspora of the Russian Far East: History, Modernity, and Prospects

Wang Jinhui

Shanghai University,
Shanghai, China

This article presents the results of the process of sporadic formation of the Chinese diaspora in the Russian Far East, revealing the most controversial elements of this process. They are the difficulty of defining the meaning of the concept of “Chinese diaspora” and the date of the origin of the diaspora in the Russian Far East; also, the discussion about the size of the Chinese population in the Far East at the boundaries of the eighteenth and nineteenth and twentieth-twenty-first centuries. The author conducts a cluster analysis of the regions of the Russian Far East regarding the functioning of the Chinese diaspora there using data on the area of the Russian Far East regions, population, GRP per capita, and the number of murders per 100,000 people. Each of these indicators characterises the key areas of development of the regions of the Russian Far East. Based on the results of cluster tree construction, the identification of three groups of subregions of the Far East and map zoning of the region, it is revealed that the geographical proximity of these sub-regions to the Chinese territory has a much stronger influence on the formation of the Chinese diaspora than the economic factor. Yakutia, which accounts for 42 percent of the Chinese diaspora in the Far East, can be singled out separately.

Keywords: Chinese diaspora, migration, Far East, subregion, cluster analysis

* *Citation:* Wang Jinhui (2024). The Chinese Diaspora of the Russian Far East: History, Modernity, and Prospects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 66–78. DOI 10.15826/qr.2024.1.865.

Цитирование: Wang Jinhui. The Chinese Diaspora of the Russian Far East: History, Modernity, and Prospects // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 66–78. DOI 10.15826/qr.2024.1.865 / Ван Цзиньхуэй. Китайская диаспора Дальнего Востока России: история, современность и перспективы // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 66–78. DOI 10.15826/qr.2024.1.865.

Представлены результаты процесса спорадического формирования китайской диаспоры на Дальнем Востоке России. Выявлены наиболее дискуссионные элементы данного процесса: сложность определения значения понятия «китайская диаспора» и даты зарождения самой диаспоры в указанном регионе; дискуссия относительно численности китайского населения на Дальнем Востоке на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. Автором проведен кластерный анализ регионов Дальнего Востока России на предмет функционирования там китайской диаспоры с использованием данных относительно их площади, численности населения, величины ВРП на душу населения и количества убийств на 100 тыс. чел. Каждый из этих показателей характеризует ключевые сферы развития регионов Дальнего Востока России. По результатам построения кластерного дерева, выделения трех групп субрегионов Дальнего Востока и проведения картографического районирования региона было выявлено, что географическая близость указанных субрегионов к китайской территории значительно сильнее влияет на формирование китайской диаспоры, чем экономический фактор. Отдельно при этом можно выделить Якутию, которая концентрирует 42 % представителей китайской диаспоры Дальнего Востока.

Ключевые слова: китайская диаспора, миграции, Дальний Восток, субрегион, кластерный анализ

Активизация сотрудничества КНР и Российской Федерации актуализирует восточный, в первую очередь китайский вектор развития внешней политики и международной торговли России. При этом общая граница между РФ и КНР протяженностью более 4 тыс. км предопределяет активное развитие трансграничного миграционного сообщения. Оно особенно активизируется на фоне расширения экономических отношений между двумя государствами. Это демонстрирует практически идеальное соотношение возможностей и вызовов: с российской стороны на Дальнем Востоке – огромные незаселенные территории, богатые различными полезными ресурсами, тогда как с китайской стороны – наличие значительных демографических ресурсов, возможности инвестировать денежные ресурсы и экспортировать технологии.

К настоящему моменту об этом регионе представлены исследования по демографии [Бабаян], истории управления [Друзьяка; Пономарева], особенностях китайской диаспоры [Киреев; Ларин, 2017; Ларин, 2003]. Многие исследования концентрируются на негативных последствиях от увеличения численности китайской диаспоры на Дальнем Востоке России, что, в свою очередь, не позволяет в полной мере оценить важность данного явления для России. Столь же важными являются работы китайских ученых, которые концентрируются на анализе использования китайской диаспоры КПК КНР как элемента «мягкой силы» в различных регионах мира [Yan Xiaojun, Li La; Shibao Guo].

В представленной статье на основании кластерного анализа (выполненного с помощью программы *MiniTab 16*) проведено ранжирование регионов Дальнего Востока России относительно функционирования там китайской диаспоры. При этом использованы, кроме собственно показателя величины присутствия представителей китайской диаспоры, следующие показатели: площади регионов (для определения потенциальной ресурсной базы, так как чем больше площадь региона, тем больше или же наличие уже известных полезных ископаемых или же потенциал их открытия), население регионов (данный показатель позволяет выявить возможности объема потребительского рынка и наличия или же дефицита рабочей силы в регионе), ВРП на душу населения (данный показатель позволяет определить экономический уровень развития того или иного региона, что для формирования китайской диаспоры имеет существенное значение), количество убийств на 100 тыс. чел. (данный показатель указывает на безопасность региона для формирования китайской диаспоры).

В качестве методологической базы автор использовал как традиционные методы исследования, так и метод кластерного анализа и картографический метод с нанесением на карту его результатов.

Кластерный анализ для изучения диаспоры применяли в своих исследованиях Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева [Варшавер и др., с. 157]. Вышеуказанные ученые посредством кластерного анализа (метод – кластеризация *k*-средними) сконструировали общую переменную «Интеграция», а также три частные переменные («Укорененность», «Индивидуальный фаворитизм» и «Свободное знание русского языка») и другие переменные. Стоит указать, что в этих работах кластерный анализ использовался лишь как дополнительный метод обширного научного исследования такого явления, как «диаспора». В данном же исследовании кластерный анализ был выбран по причине качественного отличия от многих других математико-статистических способов разбиения, так как данный метод не накладывает ограничения на изучаемые объекты, а позволяет рассматривать большое количество исходных данных различного природного происхождения [Мулянова, Косников, с. 160].

Возникновение китайской диаспоры на Дальнем Востоке имеет значительные исторические корни, которые уходят на тысячелетия в глубь истории [Гладышев]. Однако стоит также уточнить этноним «китайцы», ведь и «россиянин», и «русский» – тоже отличительные термины [Васильев, Васильева]. Основным «костяком» китайского народа является народ ханьцев, а также иные народы – уйгуры, тибетцы, монголы и другие народности Китая. В данном исследовании используется подход, который был апробирован на всероссийской переписи населения, при котором к китайцам были отнесены следующие народы: баоани, мяо, тайваньцы, тибетцы, хань, ханьцы, хмонги, хунхузы и юньнаньцы. Данный подход не учитывает, например, монголов и казахов, которые могли прибыть на Дальний Восток из Монголии

и Казахстана соответственно, а не из автономного региона Внутренней Монголии или из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

На дискуссионность понятия «китайская диаспора» указывает А. Г. Ларин: «Строго говоря, совокупность китайских мигрантов в России не является диаспорой уже по следующей причине: диаспору образуют люди, постоянно, из поколения в поколение проживающие в принявшей их стране – об этом говорится прямо или подразумевается по умолчанию фактически во всех определениях диаспоры. Между тем поток из Китая едва ли не целиком состоит из временных трудовых мигрантов – наемных рабочих, служащих и предпринимателей» [Ларин, 2017, с. 69].

Одними из первых известных контактов между русскими и китайцами можно считать пребывание обоих народов в составе единой Монгольской империи начиная с 1237 г. [Хронология развития]. Официальные межгосударственные контакты, которые при этом были задокументированы, относятся к 1608 г. [Путь длиною в 400 лет].

Полноценное начало формирования китайской диаспоры на Дальнем Востоке России было ограничено следующими факторами: суровость климатических условий; наличие традиционной «изолированности» китайского общества по отношению к европейскому населению, так как «принцип крови» является основой формирования китайской диаспоры [Пономарева, с. 123]; историческое отношение Русского государства к Дальнему Востоку как к ресурсной базе и форпосту на Востоке в противовес к более обжитой и развитой Европейской части Российской империи.

О. Е. Герасимова указывает, что «до середины XIX в. на территории Сибири фиксировались лишь единичные случаи появления выходцев из Китая» [Герасимова, с. 50]. Относительно же точной даты начала формирования полноценной диаспоры существуют разные мнения. Так, Г. Д. Константинов и В. Н. Ляшковский считают 1858 г. началом проникновения жителей Китая на Дальний Восток [Константинов, Ляшковский], тогда как С. В. Виватенко и Т. Е. Сиволап указывают, что наиболее вероятная дата зарождения китайской диаспоры – это 1862 г., когда, согласно Пекинскому договору, были подписаны правила русско-китайской торговли. В России прибывших мигрантов стали именовать «ходя-ходя» [Виватенко, Сиволап, с. 108] (торговцы всякой мелочью [Герасимова, с. 50–51]). Но данное именование не прошло испытание временем, в отличие от «хуацяо» [Пономарева, с. 123]. Основной причиной миграции китайцев в Российскую империю был поиск работы (на золотых приисках, на строительстве дорог и т. п.).

Относительно численности формировавшейся китайской диаспоры в России существуют также значительные расхождения во мнениях. По данным С. В. Виватенко и Т. Е. Сиволап, в 1912 г. только в Амурской и Приморской обл. проживало более 200 тыс. китайцев, а общая численность прибывших на Дальний Восток в 1906–1910 гг. китайцев насчитывала порядка 550 тыс. [Виватенко, Сиволап, с. 109]. Согласно данным

китайского исследователя Инь Гуанмин, в 1910 г. на Дальнем Востоке России проживало 111466 китайцев [作者尹广明]. М. И. Сладковский придерживается цифры в 0,5 млн чел. [Сладковский]. По иной версии, к концу 1915 г. в России насчитывалось лишь 40 тыс. китайцев, а в 1916 г. их было уже 75 тыс. чел., тогда как весной 1917 г. – уже 200 тыс. [Ларин, 2003]. Аналогичную оценку численности китайской диаспоры приводит и О. Е. Герасимова [Герасимова, с. 50–51]. Под конец участия Российской империи в Первой мировой войне китайцы были организованы в специальные группы для рытья окопов для русской армии на европейском (германском) фронте [Виватенко, Сиволап, с. 110].

По мнению А. А. Авдашкина, процесс формирования китайской диаспоры в России в общем и на Дальнем Востоке в частности инициировался три раза, но в силу жесткой демографической и миграционной политики СССР первые две попытки были физически прерваны (например, согласно свидетельству Р. Конквеста, органами НКВД проводились массовые аресты китайцев и их последующая депортация на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), подписанного В. М. Молотовым и И. В. Сталиным 21 августа 1937 г. [Виватенко, Сиволап, с. 115]), и лишь нынешний третий этап (рубеж XX и XXI в.) здесь может завершиться формированием полноценной диаспоры [Авдашкин, с. 104].

О. Е. Герасимова отмечает китайских мигрантов как одних из основных активных участников Гражданской войны и одну из главных опор большевиков на начальном («ленинском») этапе ее становления. Так, по данным вышеуказанного ученого, китайский легион насчитывал порядка 100 тыс. чел. (по другим данным – от 40 тыс. [Герасимова] до 50 тыс. [Друзьяка]). Китайцы осуществляли как охрану вождей революции (Л. Троцкого, и Н. Бухарина [Герасимова], В. И. Ленина [Виватенко, Сиволап]), так и наиболее «деликатную работу» – карательные операции. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин, выступая 18 октября 2017 г. на XIX съезде КПК в Пекине, отметил, что сто лет назад «орудийные раскаты Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм», который помог решить проблемы страны, стал для Китая «опорой в поисках национальной независимости, свободы, процветания и счастья» [Герасимова].

По утверждению А. Г. Ларина, общая численность китайской диаспоры в мире составляет 50 млн чел., и она является четвертой экономикой мира [Ларин, 2003, с. 195], в первую очередь за счет хуацяо в Юго-Восточной Азии, где лишь в одном Сингапуре (который является одним из экономических центров мира) этнические китайцы составляют до 75 % от населения страны-города. Данный факт указывает не только на демографический потенциал вновь формирующейся китайской диаспоры, но и на инвестиционный и финансовый потенциал развития Дальнего Востока РФ.

Вопреки широко распространенному мнению, китайцы, приехавшие в Россию, вовсе не стремились здесь натурализоваться

[Семенов, с. 77]. Причиной этого, по общепринятому мнению, является отличие европейской (к которой принадлежит Россия) и китайской культур. Фундаментально разные основы, конфуцианство и христианство, которые глубоко укоренились в культурном фундаменте двух цивилизаций, являются препятствием для становления китайской диаспоры в качестве органической части населения России, что не исключает в будущем более мягкой интеграции на фоне укрепления китайско-российского сотрудничества в противовес западному влиянию в Евразии и в мире.

Согласно переписи 1989 г., на территории дальневосточных регионов России находилось 1742 китайца, однако уже с 1991 г. численность китайского населения вышеуказанных регионов начала стремительно возрастать, а ее статистика – становиться все менее надежной [Киреев, с. 29], что несколько усложняет понимание того, насколько выросла китайская диаспора на Дальнем Востоке в 1990-е гг.

В конце XX – начале XXI в. количество китайских мигрантов на Дальнем Востоке насчитывало от 100 тыс. до 5 млн [Миграция вышла из тени]. Однако в экспертном сообществе наиболее достоверной оценкой считается показатель от 200 до 500 тыс. чел. [Сколько в России китайских мигрантов?]. По мнению М. С. Пальникова, в 2005 г. в РФ проживал практически 1 млн представителей китайской диаспоры [Пальников, с. 172].

Согласно данным последней переписи населения РФ, в 2020 г. китайская диаспора насчитывала 19644 чел., при этом в гендерной структуре мужчины значительно преобладали (14790 чел.), и в то же время насчитывалось лишь менее 5 тыс. женщин китайского происхождения (4854 чел.).

Несмотря на незначительное количество представителей китайской диаспоры на Дальнем Востоке РФ, опасения граждан России перед китайским демографическим потенциалом относительно заселения этого региона подтверждаются различными научными данными [Ларин, Ларина]. Так, например, с 1990 по 2035 г. население КНР должно увеличиться примерно на 400 млн чел. [Му Гуанцзун, Чэнь Вей, Цзоу Сян; Бабаян, с. 141], и это может значительно усилить демографический дисбаланс на российско-китайском приграничье не в пользу России.

В то же самое время отношение к китайским мигрантам еще в 2006 г. заместитель директора Федеральной миграционной службы России В. Поставнин охарактеризовал следующим образом: «[китайские мигранты] никогда не ведут себя вызывающе, не пытаются противопоставлять свою культуру, но все-таки живут замкнуто, по собственным законам, и создают параллельную инфраструктуру» [ФМС]. Данная характеристика подтверждает тот факт, что явный риск потенциальных бытовых конфликтов, которые происходят в ряде регионов России, например, с жителями кавказских республик, применительно к китайской диаспоре отсутствует. При этом ассоциации с китайца-

ми у жителей России в начале XXI в. (опрос ВЦИОМ был проведен 26–27 сентября 2009 г.) в первую очередь вызывали товары широкого потребления, которые производятся в КНР (25 %), и лишь каждый десятый россиянин воспринимает КНР как угрозу для РФ, примерно столько же (8 %) указывают на положительные качества китайцев – трудолюбие и дисциплину [ВЦИОМ].

А. В. Друзьяка выделяет факторы, которые настораживают граждан РФ и вызывают их опасения: многочисленность китайцев; поддержка миграции политическим руководством КНР; отсутствие четкой картины китайского миграционного присутствия; невнятность миграционной политики самой России по отношению к гражданам КНР; проблемы разительного отличия культур – российской (европейской) и китайской [Друзьяка, с. 234]. Мы частично можем согласиться с данным перечнем факторов, особенно с теми из них, которые носят объективный характер, однако в условиях становления КНР как одного из основных торговых партнеров РФ многие из них теряют свою актуальность или же их можно рассматривать в ином свете, например, многочисленность китайцев – это не проявление угрозы поглощения России Китаем, а подтверждение наличия альтернативного рынка сбыта, а проблему разительного отличия культур можно рассматривать как возможность открытия для граждан России новой культуры и цивилизации [Открывать Россию]. В самом же Китае есть понимание зависимости экономического благополучия и процветания Дальнего Востока не только от инвестиций из КНР, но и от китайских мигрантов [王义高].

По результатам кластерного анализа нами выделены три группы субрегионов Дальнего Востока РФ относительно нынешнего положения китайской диаспоры и ее перспектив (рис. 1):

– Наиболее благоприятный для функционирования и дальнейшего развития китайской диаспоры на Дальнем Востоке РФ субрегион – Республика Саха (Якутия) (8). Стоит отметить, что в Якутии проживает 42 % представителей китайской диаспоры Дальнего Востока (3544 чел.). Также Якутия характеризуется значительной площадью – более 3 млн км², что позволяет представителям китайской диаспоры принимать участие в освоении и разведке полезных ископаемых данной республики.

– Перспективная для формирования и развития китайской диаспоры на Дальнем Востоке РФ группа: Амурская обл. (1), Республика Бурятия (2), Еврейская автономная обл. (3), Забайкальский край (4), Приморский край (7), Хабаровский край (10). Практически все субрегионы данной группы характеризуются показателями ВРП на душу населения ниже среднего уровня в размере 470 тыс. руб.: Забайкальский край – 286 076,4 руб., Еврейская автономная обл. – 306 249,9 руб., Республика Бурятия – 332 243,2 руб., Приморский край – 399 979,7 руб., Амурская обл. – 432 417,2 руб. Лишь в Хабаровском крае превышен средний показатель для регионов Дальнего Востока РФ – 488 799,3 руб.

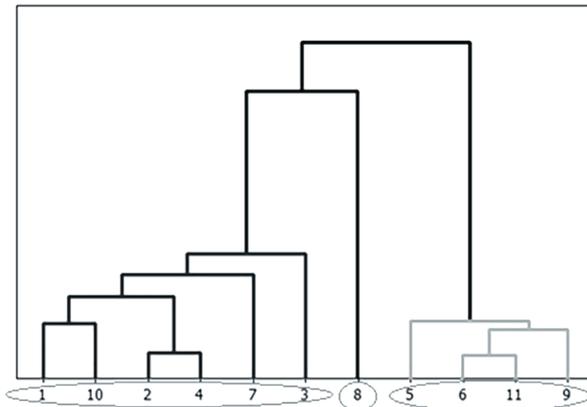
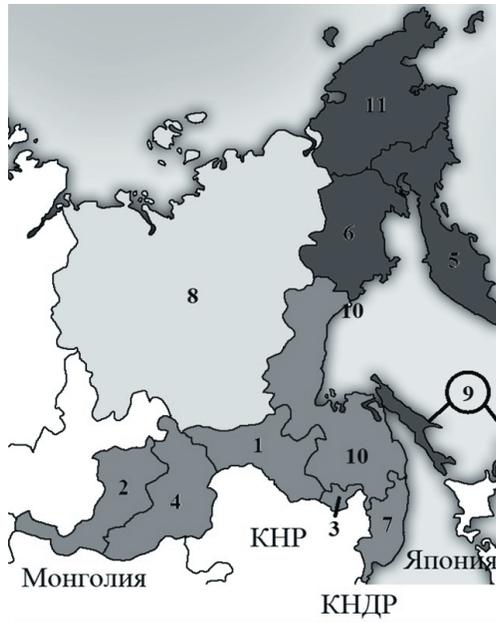

Рис. 1. Кластерный анализ регионов Дальнего Востока России относительно функционирования китайской диаспоры

- Условные обозначения:
- 1 – Амурская область
 - 2 – Республика Бурятия
 - 3 – Еврейская автономная область
 - 4 – Забайкальский край
 - 5 – Камчатский край
 - 6 – Магаданская область
 - 7 – Приморский край
 - 8 – Республика Саха (Якутия)
 - 9 – Сахалинская область
 - 10 – Хабаровский край
 - 11 – Чукотский автономный округ

- Группы:
- Первая группа
 - Вторая группа
 - Третья группа

Рис. 2. Картографическое районирование Дальнего Востока России на основании результатов кластерного анализа

Данную группу объединяет физико-географическая близость к КНР (рис. 2), что значительно упрощает физическую доступность этого региона для мигрантов из КНР. Определенную роль играет и схожесть физико-географических условий жизни в РФ и в приграничных районах КНР.

– Наименее освоенная китайской диаспорой группа субрегионов: Камчатский край (5), Магаданская обл. (6), Сахалинская обл. (9), Чукотский автономный округ (11). Данная группа отмечена максимально высоким показателем ВРП на душу населения: от 497 974,9 руб. (Камчатский край) до 647 855,2 (Чукотский автономный округ). Однако в последнем вовсе отсутствуют представители китайской диаспоры, в других субрегионах данной группы их насчитывается от 35 до 48 чел. Субрегионы этой группы максимально отдалены от границы с КНР в сравнении с другими субрегионами Дальнего Востока РФ.

Таким образом, экономический фактор формирования китайской диаспоры в регионах Дальнего Востока РФ не является основным, а вот физико-географическую близость регионов к приграничным регионам КНР можно считать одним из таких факторов (рис. 2). Также стоит упомянуть про китайскую диаспору в Якутии, так как данный регион обладает статусом самого большого по площади среди всех административно-территориальных единиц в мире и имеет на своей территории значительные запасы полезных ископаемых.

Однако о полноценном формировании китайской диаспоры на Дальнем Востоке, в отличие от Юго-Восточной Азии, говорить еще рано. В последнем вышеупомянутом регионе образовалась специфическая китайская общность – хуацяо, представители которой контролируют существенную часть экономической сферы региона, что может быть одним из сценариев полноценного формирования здесь китайской диаспоры. Для этого не хватает наличия устойчивой системы сообществ граждан РФ китайского происхождения в разных городах и регионах Дальнего Востока, которые были бы ориентированы на удовлетворение потребностей формирующейся диаспоры. Таким образом, китайское присутствие на Дальнем Востоке РФ является больше проявлением реализации кратковременных проектов, при этом граждане КНР, помимо решения конкретных финансово-деловых вопросов, редко вступают в контакты местным населением. Это можно объяснить тем, что руководство КНР не ставит себе целью сформировать устойчивую сеть китайских организаций на приграничной территории РФ, в отличие от иных регионов мира, например, Юго-Восточной Азии. Второй причиной может служить сокращение численности населения Дальнего Востока, что сдерживает развитие торговых отношений. Третьей причиной является наличие значительных культурных отличий между русскими и китайцами, что даже в условиях политического союза КНР и РФ на международной арене не позволяет в обозримые сроки создать устойчивые связи между приграничными регионами КНР и РФ путем проведения официаль-

ных мероприятий, например, активизации студенческой мобильности между вузами КНР и РФ.

Важно также определить статус постоянно проживающего на Дальнем Востоке РФ китайского населения (как ирредипентов или все же как диаспоры). Вызовы возможного китайского ирредипентизма в совокупности с демографическим кризисом в этом регионе России могут состоять в будущем поглощении КНР приграничных территорий России в том или ином виде.

Библиографические ссылки

Авдашкин А. А. Китайцы на Южном Урале в 1920-е годы // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 103–118. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.107.

Бабаян Д. К. Российско-китайские отношения сквозь призму демографии // Социология власти. 2011. № 1. С. 145–151.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. 226 с.

Васильев А. Д., Васильева С. П. Русский – российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152–160.

Виватенко С. В., Сиволан Т. Е. Китайские мигранты и их участие в революционных событиях 1917 года в Петрограде и Гражданской войне в России: версии и концепции // Сотрудничество России и Китая в сфере образования, культуры и туризма в XXI в.: возможности и перспективы : сб. ст. СПб. : Астерион, 2019. С. 108–116.

ВЦИОМ: Китай в первую очередь ассоциируется у 25% россиян с производимыми в этой стране товарами // РБК : [сайт]. 2009. 30 сент. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/greenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea (дата обращения: 12.01.2024).

Герасимова О. Е. Роль китайской диаспоры в Великой октябрьской революции 1917 г. // Политэкс : Политическая экспертиза. 2018. Т. 14, № 1. С. 49–56. DOI 10.21638/spbu23.2018.104.

Гладышев С. А. Поздний палеолит Приморского региона после последнего оледенения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : ежегодник. 2021. Т. 27. С. 99–104. DOI 10.17746/2658-6193.2021.27.0099-0104.

Друзьяка А. В. Управление китайской диаспорой в приграничных районах российского Дальнего Востока – исторический и современный опыт // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы XII междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, Хэйхэ, 26–28 мая 2022 г.). Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2022. Вып. 1 (12). С. 227–239.

Киреев А. А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4 (27). С. 28–47.

Константинов Г. Д., Ляшковский В. Н. Китайская диаспора в Хабаровске. 1858–1938. Хабаровск : Приамур. вестн., 2019. 364 с.

Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня : ист. очерк. М. : Муравей, 2003. 223 с.

Ларин А. Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. С. 193–222.

Ларин А. Г. Китайская диаспора в России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 5. С. 65–82. DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-49.

Ларин В., Ларина Л. Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 4. С. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Миграция вышла из тени : На вопросы Виталия Куренного отвечает заведующая лабораторией миграции населения Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН Жанна Зайончковская // Отеч. зап. : журн. лит.-просветит., полит., ученый : [сайт]. 2004. № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2004/4/migraciya-vyshla-iz-teni> (дата обращения: 12.01.2024).

Му Гуанцзун, Чэнь Вей, Цзоу Сян. Китайское население на пути в XXI век: анализ ситуации и контрмеры // Гуанчжоу. 1999. № 3. С. 73–80. (*In Chinese.*)

Мулянова Ю. Н., Косников С. Н. Кластерный анализ в сельском хозяйстве // Economics. 2018. № 5 (37). С. 47–53. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Открывать Россию, открывать Китай // Валдай : междунар. дискуссион. клуб : [сайт]. 2022. 21 окт. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otkryvat-rossiyu-otkryvat-kitay/> (дата обращения: 12.01.2024).

Пальников М. С. Китайская диаспора в России: современное состояние и перспективы : (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 166–209.

Пономарева О. С. «Хуацяо» как инструмент внешней политики Китая // Весна науки – 2017 : материалы междуз. науч.-практ. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и студентов. СПб. : С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, 2017. С. 122–125.

Путь длиною в 400 лет. История российско-китайских отношений // Российское историческое общество : [сайт]. 2019. 25 дек. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/put-dliouyu-v-400-let-istoriya-rossijsko-kitajskikh-otnoshenij.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Семенов А. Б. Перспективы китайской миграции на русский Дальний Восток // Вестн. РУДН. Сер.: Международные отношения. 2011. № 4. С. 71–79.

Сколько в России китайских мигрантов? // Демоскоп Weekly : [сайт]. 2008. № 347–348. URL: <https://web.archive.org/web/20090403003059/http://demoscope.ru/weekly/2008/0347/tema01.php> (дата обращения: 12.01.2024).

Сладковский М. И. Знакомство с Китаем и китайцами: историческая литература. М. : Мысль, 1984. 381 с.

ФМС: В каждом регионе РФ мигрантов должно быть не более 20% // РБК : [сайт]. 2006. 16 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/11/2006/5703c6439a7947dde8e0e3fc> (дата обращения: 12.01.2024).

Хронология развития российско-китайских отношений: основные даты // Российское историческое общество : [сайт]. 2019. 6 сент. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/rossiya-kitaj-2.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Shibao Guo. Reimagining Chinese Diasporas in a Transnational World: Toward a New Research Agenda // J. of Ethnic and Migration Studies. 2021. № 48 (4). P. 1–26. DOI 10.1080/1369183X.2021.1983958.

Yan Xiaojun, Li La. Propaganda beyond State Borders: The Deployment of Symbolic Resources To Mobilize Political Support among the Chinese Diaspora // The Pacific Rev. 2023. Vol. 3 (36). P. 433–462. DOI 10.1080/09512748.2021.1968020.

作者尹广明为南开大学历史学院博士研究生. 苏联处置远东华人问题的历史考察 (1937–1938). (上). 2016. URL: <http://www.chinaql.org/n1/2018/0802/c420286-30203752.html> (accessed: 12.01.2024).

王义高. 关于远东华人华侨与远东东北亚国家的博弈 2018. URL: <http://www.fttw.cn/gdsp/1714.html> (accessed: 12.01.2024).

References

Avdashkin, A. A. (2020). Kitaitsy na Yuzhnom Urале v 1920-e gody [The Chinese in the Southern Urals in the 1920s]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 10. No. 1, pp. 103–118. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.107.

Babayan, D. K. (2011). Rossiisko-kitaiskie otnosheniya skvoz' prizmu demografii [Russian-Chinese Relations through the Prism of Demography]. In *Sotsiologiya vlasti*. No. 1, pp. 145–151.

Druzyaka, A. V. (2022). Upravlenie kitaiskoi diasporoi v prigranichnykh raionakh rossiiskogo Dal'nego Vostoka – istoricheskii i sovremennii opyt [Managing the Chinese Diaspora in the Border Areas of the Russian Far East – Historical and Modern Experience]. In *Rossiia i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy XII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk, Kheikhe, 26–28 maya 2022 g.)*. Blagoveshchensk, Izdatel'vo Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universtiteta. Iss. 1 (12), pp. 227–239.

FMS: V kazhdom regione RF migrantov dolzhno byt' ne bolee 20% [Federal Migration Service: In Each Region of the Russian Federation There Should Be No More than 20% of Migrants]. (2006). In *RBK* [website]. 16 November. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/11/2006/5703c6439a7947dde8e0e3fc> (accessed: 12.01.2024).

Gerasimova, O. E. (2018). Rol' kitaiskoi diaspori v Velikoi oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. [The Role of the Chinese Diaspora in the Great October Revolution of 1917]. In *Politiks. Politicheskaya ekspertiza*. Vol. 14. No. 1, pp. 49–56. DOI 10.21638/spbu23.2018.104.

Gladyshev, S. A. (2021). Pozdnii paleolit Primorskogo regiona posle poslednego oledeneniya [Late Paleolith of Primorye Region after the Last Glaciation]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Ezhegodnik*. Vol. 27, pp. 99–104. DOI 10.17746/2658-6193.2021.27.0099-0104.

Khronologiya razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii: osnovnye daty [Chronology of the Development of Russian-Chinese Relations: Key Dates]. (2019). In *Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo* [website]. 6 Sept. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/rossiya-kitaj-2.html> (accessed: 12.01.2024).

Kireev, A. A. (2013). Sushchestvuet li na Dal'nem Vostoke Rossii kitaiskaya diaspora? [Is There a Chinese Diaspora in the Russian Far East?]. In *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 4 (27), pp. 28–47.

Konstantinov, G. D., Lyashkovskii, V. N. (2019). *Kitaiskaya diaspora v Khabarovske. 1858–1938* [Chinese Diaspora in Khabarovsk. 1858–1938]. Khabarovsk, Priamurskie vedomosti. 364 p.

Larin, A. G. (2003). *Kitaitsy v Rossii vchera i segodnya. Istoricheskii ocherk* [The Chinese in Russia Yesterday and Today: A Historical Essay]. Moscow, Muravei, 2003. 223 s.

Larin, A. G. (2013). Mirovaya kitaiskaya diaspora i novaya migratsionnaya kontseptsiya Rossii [The World Chinese Diaspora and Russia's New Migration Concept]. In *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. Vol. 18, pp. 193–222.

Larin, A. G. (2017). Kitaiskaya diaspora v Rossii [Chinese Diaspora in Russia]. In *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 10. No. 5, pp. 65–82. DOI 10.23932/2542-0240-2017-10-5-30-49.

Larin, V., Larina, L. (2022). Predstavleniya o stranakh Vostoka v Tikhookeanskoj Rossii: paradoksy obshchestvennogo soznaniya [The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 4, pp. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Migratsiya vyshla iz teni. Na voprosy Vitaliya Kurennoho otvechaet zaveduyushchaya laboratoriei migratsii naseleniya Instituta narodno-khozyaistvennogo prognozirovaniya RAN Zhanna Zayonchkovskaya [Migration Has Come out of the Shadows. Zhanna Zayonchkovskaya, Head of the Population Migration Laboratory at the Institute of National Economic Forecasting of the RAS, Answers Vitaly Kurennoy's Questions]. (2004). In *Otechestvennye zapiski. Zhurnal literaturno-prosvetitel'skii, politicheskii, uchenyi* [website]. No. 4. URL: <https://strana-oz.ru/2004/4/migraciya-vyshla-iz-teni> (accessed: 12.01.2024).

Mu Guanczun, Chen Vej, Czou Syan. (1999). Chinese Population on the Way to the 21st Century: Situation Analysis and Countermeasures. In *Guangzhou*. No. 3, pp. 73–80. (In Chinese.)

Mulyanova, Yu. N., Kosnikov, S. N. (2018). Klasternyi analiz v sel'skom khozyaistve [Cluster Analysis in Agriculture]. In *Economics*. No. 5 (37), pp. 47–53. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Otkryvat' Rossiyu, otkryvat' Kitai [Discovering Russia, Discovering China]. (2022). In *Valdai. Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub* [website]. 21 Oct. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otkryvat-rossiyu-otkryvat-kitay/> (accessed: 12.01.2024).

Pal'nikov, M. S. (2009). Kitaiskaya diaspora v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. (Obzor) [Chinese Diaspora in Russia: Current State and Prospects. (Review)]. In *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4, pp. 166–209.

Ponomareva, O. S. (2017). “Khuatsyao” kak instrument vneshnei politiki Kitaya [“Huaqiao” as an Instrument of China’s Foreign Policy]. In *Vesna nauki – 2017. Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii institut vneshneekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava, pp. 122–125.

Put' dlinoyu v 400 let. Istoriya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii [A Journey of 400 Years. History of Russian-Chinese Relations]. (2019). In *Rossiiskoe istoricheskoe obshchestvo* [website]. 25 December. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/put-dlinoyu-v-400-let-istoriya-rossijsko-kitajskikh-otnoshenij.html> (accessed: 12.01.2024).

Semenov, A. B. (2011). Perspektivy kitaiskoi migratsii na russkii Dal'nii Vostok [Prospects for Chinese Migration to the Russian Far East]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 4, pp. 71–79.

Shibao Guo. (2021). Reimagining Chinese Diasporas in a Transnational World: Toward a New Research Agenda. In *J. of Ethnic and Migration Studies*. No. 48 (4), pp. 1–26. DOI 10.1080/1369183X.2021.1983958.

Skol'ko v Rossii kitaiskikh migrantov? [How Many Chinese Migrants Are there in Russia?]. (2008). In *Demoskop Weekly* [website]. No. 347–348. URL: <https://web.archive.org/web/20090403003059/http://demoscope.ru/weekly/2008/0347/tema01.php> (accessed: 12.01.2024).

Sladkovskii, M. I. (1984). *Znakomstvo s Kitaem i kitaitsami: istoricheskaya literatura* [Getting to Know China and the Chinese: Historical Literature]. Moscow, Mysl'. 381 p.

Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S., Andreeva, A. S. (2021). *Migranty v rossiiskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian Cities: Resettlement, Concentration, Integration]. Moscow, Izdatel'skii dom “Delo” RANKhiGS. 226 p.

Vasil'ev, A. D., Vasil'eva, S. P. (2020). Russkii – rossiiskii? Vopros identifikatsii i samoidentifikatsii [Russian? The Question of Identification and Self-Identification]. In *Vestnik KGPU imeni V. P. Astaf'eva*. No. 1 (51), pp. 152–160.

Vivatenko, S. V., Sivolap T. E. (2019). Kitaiskie migranty i ikh uchastie v revolyutsionnykh sobytiyakh 1917 goda v Petrograde i Grazhdanskoi voine v Rossii: versii i kontseptsii [Chinese Migrants and Their Participation in the Revolutionary Events of 1917 in Petrograd and the Civil War in Russia: Versions and Concepts]. In *Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v sfere obrazovaniya, kul'tury i turizma v XXI v.: vozmozhnosti i perspektivy. Sbornik statei*. St Petersburg, Asterion, pp. 108–116.

VTsIOM: Kitai v pervuyu ochered' assotsiiruetsya u 25% rossiyan s proizvodimymi v etoi strane tovarami [Russian Public Opinion Research Center: 25% of Russians Primarily Associate China with Goods Produced in This Country]. (2009). In *RBK* [website]. 30 Sept. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592ce3f9a79473b7f4c8dea (accessed: 12.01.2024).

Wang Yigao. (2018). On the Game between Overseas Chinese in the Far East and the Countries in the Far East and Northeast Asia. In *Flltw.cn* [website]. URL: <http://www.flltw.cn/gdsp/1714.html> (accessed: 12.01.2024). (In Chinese.)

Yan Xiaojun, Li La. (2023). Propaganda beyond State Borders: The Deployment of Symbolic Resources to Mobilize Political Support among the Chinese Diaspora. In *The Pacific Rev*. Vol. 3 (36), pp. 433–462. DOI 10.1080/09512748.2021.1968020.

Yin Guangming. (2016). A Historical Investigation of the Soviet Union’s Handling of the Chinese Issue in the Far East (1937–1938). Part 1. In *All-China Federation of Returned Overseas Chinese* [website]. URL: <http://www.chinaql.org/n1/2018/0802/c420286-30203752.html> (accessed: 12.01.2024). (In Chinese.)